

Г.В. ПЛЕХАНОВ В ФИЛОСОФСКИХ ДИСКУССИЯХ с Э. БЕРНШТЕЙНОМ и К. ШМИДТОМ НА РУБЕЖЕ XIX - XX вв. (историографический аспект)

G.V. PLEKHANOV IN PHILOSOPHICAL
DISCUSSIONS WITH E. BERNSTEIN
AND K. SCHMIDT AT THE TURN
OF THE XIX - XX CENTURIES
(historiographical aspect)

S. Raspopov

Annotation

The article is devoted to the role of G.V. Plekhanov in disputes that erupted at the turn of the 19th and 20th centuries between the great figures of world Social Democracy. The essence of the philosophical position of G.V. Plekhanov and uncovered the reasons for his disagreements with E. Bernstein and K. Schmidt on the basic provisions of ontology, epistemology, economics, political philosophy and philosophy of history.

Keywords: Social democracy, neo-Kantianism, Marxism, historical materialism, revisionism, opportunism, Narodniks.

Распопов Степан Сергеевич

Аспирант,

*Тюменский государственный
институт культуры, г. Тюмень*

Аннотация

Статья посвящена роли Г.В. Плеханова в спорах, разгоревшихся на рубеже XIX – XX вв. между крупными фигурами мировой социал-демократии. В работе рассмотрена сущность философской позиции Г.В. Плеханова и раскрыты причины его разногласий с Э. Бернштейном и К. Шмидтом по основным положениям онтологии, гносеологии, эко-номике, политической философии и философии истории.

Ключевые слова:

Социал-демократия, неокантианство, марксизм, исторический материализм, ревизионизм, оппортунизм, народничество.

Дискуссия между Г.В. Плехановым и неокантианцами Э. Бернштейном и К. Шмидтом была очень важна для становления такого направления, как философия истории. Споры об историческом методе в науке были задолго до рубежа XIX – XX вв., но именно в это время они стали наиболее острыми и политизированными. Политика играла в них первоочередную роль, это были не простые научные споры, а споры о мировоззрении, о том, какой из видов социалистической идеологии будет ближе к истине: ортодоксальный марксизм или этический социализм неокантианцев.

Обратимся к предыстории данных споров. Социал-демократическое направление было одним из самых популярных в левой отечественной общественно-политической мысли до 1917 г., поскольку его идеологи Г.В. Плеханов, П.Б. Аксельрод и В.И. Ульянов (Ленин) были великолепными ораторами и публицистами. Но их воззрения были во многом обусловлены влиянием западной социал-демократией, прежде всего германской. Лидеры РСДРП (Российская Социал-демократическая рабочая партия) очень тесно общались с немецкими товарищами социалистами.

Родоначальник русской социал-демократии Г.В. Плеханов находился отчасти под влиянием Ф. Лассалю, что

нашло свое отражение в программе "Группы освобождения труда" (1884 г.). В ней Г.В. Плеханов предлагал широкие конституционные политические реформы, и, вслед за Ф. Лассалем, первоочередным считал следующий постулат: "Право быть избирателем и избираемым как в Законодательное Собрание, так и в провинциальные и общинные органы самоуправления всякому гражданину" [11, с. 374]. Другие требования программы тоже вносились под влиянием лассальянского учения: "2. Устранение современной податной системы и установление прогрессивного подоходного налога. 3. Законодательное регулирование отношений рабочих (городских и сельских) к предпринимателям и организация соответствующей инспекции с представительством от рабочих" [11, с. 375].

В незаконченной работе о Ф. Лассале Г.В. Плеханов позитивно относился к деятельности немецкого лидера ВГРС (Всеобщий Германский рабочий союз), при этом подчеркивал, что его личные качества, такие как эмоциональность и темпераментность мешали его развитию как теоретика: "в характере Лассалю борец занимал слишком много места, чтобы надолго умолкнуть перед мыслителем" [8, с. 46].

Кроме Ф. Лассалю, на Г.В. Плеханова, несомненно, повлияли К. Маркс и Ф. Энгельс, с последним он имел

личную встречу. Он переписывался с В. Либкнехтом, А. Бебелем, К. Каутским и другими. Г.В. Плеханов общался и с Э. Бернштейном, однако, после критики экономической теории К. Маркса в 1896 г. Э. Бернштейном в серии статей "Проблемы социализма", личное общение прекратилось и началась публичная полемика. Помимо Э. Бернштейна, критике подвергся также К. Шмидт, немецкий социал-демократ, который решил соединить марксизм и неокантианство в едином учении. В переписке с К. Шмидтом Ф. Энгельс написал: "идеологические области оказывают, в свою очередь, обратное, но вторичное воздействие на материальные условия" [15, С. 369]. Эта фраза является отступлением от ортодоксального экономоцентрического материализма. О существовании этого письма Г.В. Плеханов не знал, что отчасти предопределило ожесточённость спора.

Предметом спора Г.В. Плеханова с Э. Бернштейном и К. Шмидтом было следующее: 1) общефилософские разногласия с неокантианством; 2) доводы против критики экономической теории марксизма; 3) расхождения по вопросам исторического метода и историческому материализму. Опишем каждый аспект подробно.

В 1898 г. Г.В. Плеханов написал целый ряд статей, направленных против ревизии марксизма Э. Бернштейном ("О мнимом кризисе марксизма", "Бернштейн и материализм", "За что нам его благодарить?") и К. Шмидтом ("Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса"). В них он оценивал аргументы Э. Бернштейна и его сподвижника Г. Масарика как несущественные и отрицал оценку споров как проявление кризиса марксизма. Критика ведётся по теоретическим философским и историософским направлениям, не заходя в область практическую, например экономическую, социологическую и политологическую.

Считаем необходимым сделать краткий обзор предмета и сущности спора. С 1896 г. Э. Бернштейн начал выступать за реформистский эволюционный путь к социализму, поскольку, по его мнению, история ведёт не к углублению пропасти между магнатами капитализма и пролетариатом, а к её заполнению; ожидание социального катаклизма не основательно и должно быть заменено стремлением к постепенной эволюции, ведущей поэтапно к социализации общественного строя (через муниципализацию). Э. Бернштейн отрицал научность идеологии социализма и неизбежность прихода к социализму в финале человеческой истории. В этом он противоречил воззрениям К. Маркса, об этом же писал специалист по истории российской социал-демократии Р.В. Даниелс: "Это был оптимистичный, эволюционный и циклический вариант веры в прогресс, дополненный идеями XVIII в. об обязательном наступлении рая на земле" [1, с. 23]. стал критиковать концепции "диктатуры пролетариата" и "классовой борьбы".

Фраза Э. Бернштейна "движение – всё, цель – ничто" следует, по нашему мнению, понимать в том русле, что основную задачу рабочего движения он видел в борьбе за социальные реформы, улучшение материального положения наемных рабочих, защиту их прав ("движение – всё"), но без каких-либо попыток воплотить идеи К. Маркса о "пролетарской революции" в жизнь ("цель – ничто"). "Пролетарское государство" воспринималось им как утопия, и это восприятие было определено, во-первых, тем, что К. Маркс не оставил ни одного описания, каким оно должно быть и, во-вторых, те, кто его все же описывал, были социалистами-утопистами, которые говорили о "рае на земле", а не реально достижимый общественный строй. А потому, считал Э. Бернштейн, что, не зная результата, мы должны двигаться вперёд благодаря "малым делам" и мирным реформам, ибо в ходе быстрого продвижения к цели можно обнаружить, что результаты будут не совпадать с ожиданиями.

Предполагается, что при парламентском реформаторском пути можно обойти ошибки в практике социализма с меньшими издержками. Можно привести цитату А.Ф. Зотова: "Социальная концепция неокантианства, их "этический социализм" гласит, что социализм есть идея, и в качестве таковой она бесконечна; а в качестве "конечной цели" она – ничто. Зато все в себе заключает бесконечный процесс конструктивного социального движения, руководствующегося бесконечным понятием, идеей социализма" [2, с. 128]. Эти выводы сделаны Э. Бернштейном после знакомства его с неокантианством, точнее с Марбургской школой, к которой принадлежали также Э. Гуссерль, Х.-Г. Гадамер, Г. Коген.

Как раз философская составляющая спора стала главной темой для Г.В. Плеханова, он полностью отрицал ценность выводов неокантианцев. Как знаток философии он мог апеллировать к некоторым упущениям и неточностям в неокантианстве, но делал это крайне эмоционально, выходя за грани научной этики. Так, например, критикуя, он писал: "Когда Бернштейн зовет нас вернуться к Канту и когда он критикует современный материализм словами: "Wir glauben an das Atom", он этим доказывает только свое собственное невежество" [10, с. 341]. Детальное описание философских дебатов выходит за рамки статьи, но мы можем сказать, что тезисы Г.В. Плеханова в этих спорах вместе с брошюрой В.И. Ульянова (Ленина) "Материализм и эмпириокритицизм" стали основой для марксистской философской ортодоксии. Это философское направление угадало для мировой философии после смерти их обоих, тогда как учение неокантианцев продолжило развитие философии познания и науки. Вообще такая рьяная защита материализма Г.В. Плехановым имела причиной то, что неокантианство угрожало марксистским представлениям о "законах истории" и исторической "предопределенности социализма".

К. Маркс, как и О. Конт, пытался сблизить гуманитарные и естественные науки, тем самым доказать свою правоту о неизбежности исчезновения капитализма как "формации". В неокантианстве науки имели строгое деление по двум методам: генерализирующему для естественных наук и индивидуализирующему для гуманитарных. В своих рассуждениях неокантианцы доказывали отсутствие "законов истории" и прогностических возможностей исторической науки. Как раз подобные утверждения и подрывали доверие к ортодоксальной марксистской теории, а Г.В. Плеханову необходимо было это опровергнуть по причине своей веры в ортодоксальный марксизм.

Философские рассуждения лидера партии не имели принципиального значения для практической деятельности российской социал-демократии. Поскольку партия находилась в подполье, и первоочередной задачей было выживание её в условиях репрессий царской охранки, а не философские диспуты о роли бытия и сознания, законов истории и прочего. Партия могла добиваться решения своих животрепещущих проблем и с принятием "этического социализма", но личное неприятие неокантианства Г.В. Плеханова сделало споры принципиальными. Также не нужно упускать из виду, что этот спор способствовал исключению из партии П.Б. по предложению Г.В. Плеханова, что можно расценить как политическую чистку неугодных. Но это все вовсе не отменяет факта, что Г.В. Плеханов был оригинальным философ-мыслителем, так, в следующей статье он выдвинул необычный тезис – Фейербах, Маркс и Энгельс как философы были последователями Спинозы: "материалистическая философия Фейербаха была, как и философия Дидро, лишь родом спинозизма" [4, с. 359].

В последующих статьях продолжилась философская критика неокантианства, на сей раз воззрения К. Шмидта. Но необходимо подчеркнуть, что Г.В. Плеханов делал упор не на критике самих неокантианцев, а на учении самого И. Канта, что несколько странно, ведь неокантианцы отказались от многих идей, что высказывал И. Кант. Нужно подчеркнуть, что Г.В. Плеханов очень умело, находил противоречия в учении И. Канта: "Вещи в себе действуют на наши внешние чувства и вызывают в нас известные ощущения, так говорит Кант. А ведь это значит, что вещи причиняют нам ощущения. Но тот же самый Кант говорит, что категория причинности, равно как и все прочие категории, неприменима к вещам в себе. Тут он противоречит себе самым очевидным образом" [7, с. 408]. Проблема в том, что неокантианцы отказались от понятия "вещи в себе" как избыточного, и поэтому критика Г.В. Плеханова данного термина не имела никакого смысла.

Справедливости ради заметим, что у самого Г.В. Плеханова есть существенные логические просчеты: "От-

вращение буржуазии от материализма и ее пристрастие к философии Канта очень хорошо объясняются современным состоянием общества. Буржуазия видит в учении Канта сильное "духовное оружие" в борьбе с крайними стремлениями рабочего класса" [7, с. 422] и в другой статье: "Я утверждал, что буржуазия заинтересована в возрождении философии Канта, потому что она надеется, что эта философия поможет ей усыпить пролетариат" [9, с. 439]. Из этих пассажей абсолютно неясно, как кантианство может быть "оружием", обслуживать интересы буржуазии и как оно может вообще быть "буржуазной философией". Буржуа прошлого и настоящего в самой малой степени обеспокоены проблемами философии, куда интересней для предпринимателя читать и изучать то, что можно применять на практике, например, работы по коммерческому праву. Если говорить честно, вся философия по классовому происхождению есть суть интеллигентское занятие, она и "обслуживает интересы класса" интеллигенции. Поэтому весь марксистский дискурс про буржуазность или пролетарскость того или иного философа есть интеллектуальная спекуляция, не имеющая никакого отношения к реальности. Философия это стремление к пониманию истины, а истина не имеет классовой принадлежности.

В открытом письме К. Каутскому Г.В. Плеханов отчасти задел экономические доводы Э. Бернштейна, но не по существу, а по признаку отсутствия новизны, поскольку, по мнению Г.В. Плеханова, Э. Бернштейн идет вслед за Г. Шульце-Геверниц и Ф. Бастиа: "Бернштейн пережевывает только буржуазных экономистов. Почему же мы должны питать благодарность именно к нему, а не к этим экономистам?" [6, с. 365]. При всех обвинениях во вторичности и эклектизме учения Э. Бернштейна, Г.В. Плеханов переходит в философский аспект, не опровергая самих экономических фактов. Ведь даже если они были приведены до этого совершенно другими людьми, а не Э. Бернштейном, то это не значит, что их нужно отвергать без опровержения. Очевиднее всего, что Г.В. Плеханов ощущал свою слабость в вопросах экономической теории и практики и не стал выдвигать никакой критики по существу, уведя спор в философский аспект. В отличие от него, Э. Бернштейн имел богатый опыт работы в банковской сфере, преподавал бухгалтерский учёт и аудит, что делало его в отношении экономических вопросов сильнее российского оппонента.

Немногим позднее основными темами для Г.В. Плеханова стали споры о сущности и методе исторического материализма. Краткое содержание предмета и смысла этой дискуссии изложить можно так: в марксистской философии существует "основной вопрос философии", который обычно проблематизируется в форме вопроса: "Что первично, дух или материя?". Для ортодоксального марксиста ответ несомненен – это материя, но для К. Шмидта этот ответ был не столь очевиден и явно его не

удовлетворял. В отличие от монизма Г.В. Плеханова, для К. Шмидта физическое и психическое друг другу не противопоставляются, одно над другим не возвышается, это предметы гносеологического субъекта. Для него в истории главенствует индивидуализирующий метод, в котором события имеют уникальную причинность каждую для себя, а не являются продуктом "всемирного закона". В этом и заключается превосходство позиции неокантианцев над марксистами – слишком много исторических фактов противоречат марксистскому историческому материализму, а для неокантианцев таких законов не существует и оттого все противоречия снимаются. По этому поводу Р.В. Даниелс характеризовал Г.В. Плеханова как ультрадетерминиста, в отличие от В.И. Ульянова (Ленина), которого он характеризовал как волюнтариста.

В 1899 г. вышли две статьи Г.В. Плеханова с критикой неокантианства: "Материализм или кантианизм" и "Ещё раз материализм", а в 1901 ещё одна – "Сант против Канта, или Духовное завещание г. Бернштейна". В них продолжалась полемика с К. Шмидтом. Для этих статей характерно пренебрежение Г.В. Плеханова к доводам своего оппонента. "Конрад Шмидт говорит в своей статье о "комических недоразумениях", он совершенно прав. Но только он забыл прибавить, что все эти недоразумения должны быть записаны на его счет" [9, с. 430]. Это высказывание не единично, и подобных в его текстах много, они показывают все пренебрежительное отношение к аргументации противной стороны. За подобной эмоциональностью, на наш взгляд, скрывается страстное желание Г.В. Плеханова защитить свою точку зрения вопреки всем доводам, а также то самое кружковое сознание, в котором даже небольшое отклонение в точке зрения вызывало отторжение среди других его членов. Г.В. Плеханов, судя по полному отсутствию ссылок на самих философов неокантианства, даже не читал ни В. Виндельбанда, ни Г. Риккерта, что может свидетельствовать о незаинтересованности в понимании позиции критикуемых.

В целом рассуждения Г.В. Плеханова страдают от преобладания философских умозаключений в ущерб другим аспектам. Этот перекокс мы можем объяснить тем, что как раз в философии он был одним из самых образованных в среде российского революционно-освободительного движения. Для него и многих других российских социал-демократов было также характерно макивейское кружковое сознание, как охарактеризовал его Н.А. Бердяев в "Вехах" Это сознание характеризуется нетерпением к иному мнению и желанию видеть в любом несогласном с их мнением козны врагов, в конкретном случае буржуазии.

С подачи Г.В. Плеханова из РСДРП был исключен П.Б. Струве, он же предлагал исключить немецким коллегам из СДПГ (Социал-демократическая партия Германии) Э.

Бернштейна, тем самым, транслируя свою нетолерантность к заграничным коллегам. Любая философия, отличная от своих представлений, представлялась как идеологическая диверсия буржуазии, которая якобы спонсирует философов на разработку "антипролетарской" философии, которая бы смогла внушить рабочим ненужность социалистической революции. Подобные теории заговоров и подозрения в измене и оппортунизме были характерны как для основоположников марксизма, так и их учеников во многих странах мира. Например, в философской статье 1904 г. Г.В. Плеханов отзывался о К. Каутском как о верном марксисте, а об В.И. Ульянове (Ленине) как об оппортунисте: "Каутский верен марксизму: Ленин изменяет ему" [12, с. 128]. Подобный дискурс сродни языку религиозному, сектантскому, об этом говорит его риторика, слова, например "грехопадение" [3, с. 388; 5, с. 442–447].

Во многом раскол на фракции меньшевиков и большевиков был актом политического сектанства, раскольничества. По мнению С.В. Тютюкина, разногласия между будущими меньшевиками и большевиками перед первым расколом партии в 1903 г. были несущественными для деятельности партии и касались идеологии [14, с. 3–5]. Притом, что эти различия были небольшими, они были ожесточенными и эмоциональными. Эмоциональность этой полемики легко можно объяснить через столкновение их как продукта преобладания кружкового сознания в среде российских социал-демократов. Эти споры были оружием для выявления того социалиста, кто иначе интерпретировал марксизм, тем самым его можно обвинить в "буржуазности" и исключить из рядов партии.

После споров с Э. Бернштейном и К. Шмидтом Г.В. Плеханов больше в такую полемику с немецкими социал-демократами не вступал, но продолжал общаться с К. Каутским в дружеском тоне, обычно соглашаясь с теми или иным его мнением. Только в начале 1914 г. их отношения напряглись, но ненадолго, К. Каутский довольно быстро занял антивоенную позицию, тем самым укрепив уверенность Г.В. Плеханова в том, что не все в СДПГ защищают кайзеровский милитаризм.

В заключении заметим, что Э. Бернштейн и К. Шмидт остались в СДПГ и стали, по сути, лидерами неформальной фракции реформистов, в ходе споров они уточнили свои формулировки и мысли, не отступив при этом от начальных идей. Для самого СДПГ это означало сохранение целостности и реализацию принципа внутрипартийной демократии. Г.В. Плеханов также остался при своем мнении, ещё долго с негативом вспоминая идеи оппонентов в своих трудах [13, с. 82–94]. Для РСДРП завершение дискуссии вылилось в исключение из рядов сторонников бернштейнианства и неокантианства. Poleмика продолжилась уже с отечественными социалистами и либералами и по другим вопросам, что позднее по-

влечет раскол партии и образование многочисленных фракций. Кружковое сознание, сформированное в условиях царизма, принесло свои плоды, партия тратила си-

лы на внутреннюю межфракционную борьбу, вместо того чтобы прийти к консенсусу и реализовывать в полную силу свои политические задачи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даниелс, Р. В. Взлет и падение коммунизма в России: / Р. В. Даниелс ; [пер. с англ. И. Кожановской и др.]. – Москва : Фонд "Президентский центр Б.Н. Ельцина" ; [Б. м.] : РОССПЭН, 2011. – 509, [1] с. : табл.
2. Зотов, А. Ф. Современная западная философия [Текст] : учебное пособие / А. Ф. Зотов ; МГУ им. М.В. Ломоносова, Филос. фак. – Москва : Проспект, 2010. – 602 с. : портр.
3. Плеханов, Г.В. Сант против Канта или духовное завещание г. Бернштейна / Г.В. Плеханов // Избранные философские произведения в 5-ти тт. Т. 2. – Москва, 1956. – С. 374 – 402.
4. Плеханов, Г.В. Бернштейн и материализм / Г.В. Плеханов // Избранные философские произведения в 5-ти тт. Т. 2. – Москва, 1956. – С. 346 – 356.
5. Плеханов, Г.В. Ещё раз материализм / Г.В. Плеханов // Избранные философские произведения в 5-ти тт. – Т. 2. Москва, 1956. – С. 442 – 447.
6. Плеханов, Г.В. За что нам его благодарить / Г.В. Плеханов // Избранные философские произведения в 5-ти тт. Т. 2. – Москва, 1956. – С. 362–373.
7. Плеханов, Г.В. Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса / Г.В. Плеханов // Избранные философские произведения в 5-ти тт. Т. 2. – Москва, 1956. – 403–422 с.;
8. Плеханов, Г.В. Лассаль, его жизнь и деятельность / Г.В. Плеханов // Сочинения, Т. IV – Государственное издательство: Москва, 1926. 5 – 52
9. Плеханов, Г.В. Марксизм или кантианизм / Г.В. Плеханов // Избранные философские произведения в 5-ти тт. Т. 2. – М., 1956. 423–441 с.;
10. Плеханов, Г.В. О мнимом кризисе марксизма / Г.В. Плеханов // Избранные философские произведения в 5-ти тт. Т. 2. – М., 1956. 335–345 с.;
11. Плеханов, Г.В. Программа "Группы Освобождения труда" / Г.В. Плеханов // Избранные философские произведения: В 5 т. М, 1956. Т. 1. – С. 371–377.
12. Плеханов, Г.В. Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция / Г.В. Плеханов // Сочинения, Т. XIII – Государственное издательство: Москва, 1926. 116 – 140 с.
13. Плеханов, Г.В. Централизм или бонапартизм? / Г.В. Плеханов // Г. В. Плеханов, Сочинения Т. XIII – Государственное издательство: Москва, 1926 С. 82–94.
14. Тютюкин, С. В. Меньшевизм: страницы истории/ С.В. Тютюкин ; – М.: РОССПЭН, 2002. 560 С.
15. Энгельс, Ф. Письмо Конраду Шмидту/ Ф. Энгельс, К. Маркс // Сочинения издание 2-е, т.37, – С. 369–372.

© С.С. Распопов, (Rstepan@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Тюменский государственный институт культуры, г. Тюмень